

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
КАК ПРОСТРАНСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ
«ГИБРИДНОЙ ПУБЛИЧНОЙ
СФЕРЫ»**

**SOCIAL NETWORKS
AS A SPACE
FOR THE FORMATION
OF A “HYBRID PUBLIC
SPHERE”**

К. Б. Ахмедова*

Kulsum B. Akhmedova*

* Чеченский государственный
педагогический университет
Грозный, Россия

* Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia

Цель исследования: изучение процесса трансформации публичной сферы в условиях цифровизации.

The aim of the study is to learn the process of transformation of the public sphere in the context of digitalization.

Методологическая база исследования базируется на критическом осмыслении классической теории публичной сферы Юргена Хабермаса, которая выступает в работе нормативным ориентиром. Автор последовательно раскрывает ограничения данной модели, выявленные в философской критике (Н. Фрейзер, М. Фуко), и демонстрирует, как эти ограничения обостряются в эпоху социальных сетей.

Methodological basis of the study is grounded on a critical understanding of Jürgen Habermas’s classical theory of the public sphere, which serves as the normative reference point for the work. The author consistently reveals the limitations of this model, as identified in philosophical critiques (N. Fraser, M. Foucault), and demonstrates how these limitations are exacerbated in the age of social media.

Результаты исследования. Доказывается, что цифровые платформы формируют принципиально новую, гибридную публичную сферу, для которой характерно стирание границ между частным и публичным, рациональным и аффективным. На основе теоретического анализа и привлечения эмпирических данных в статье выявляются ключевые последствия этой трансформации: глубокая фрагментация общественного дискурса и идеологическая поляризация, возникновение «эхо-камер», амбивалентный рост цифрового активизма, эпистемологический кризис, связанный с распространением дезинформации, и изменение статуса индивида. Делается

The results of the study. Digital platforms shape a fundamentally new, hybrid public sphere, characterized by the blurring of boundaries between private and public, rational and affective. Based on theoretical analysis and empirical data, the author identifies the key consequences of this transformation: deep fragmentation of public discourse and ideological polarization, the emergence of “echo chambers,” the ambivalent growth of digital activism, an epistemological crisis associated with the spread of disinformation, and a change in the status of the individual. The conclusion is that the hybrid public sphere is a complex and contradictory phenomenon that requires a rethinking of classical concepts

вывод о том, что гибридная публичная сфера представляет собой сложный и противоречивый феномен, требующий переосмысления классических понятий демократии и выработки новых механизмов, способных усилить ее демократический потенциал.

Перспективы исследования связаны с последующей социологической рефлексией данного направления.

Ключевые слова: публичная сфера, гибридная публичная сфера, Юрген Хабермас, социальные сети, цифровая трансформация, общественный дискурс

of democracy and the development of new mechanisms capable to strengthen its democratic potential.

The prospects of the study are related to the subsequent sociological reflection of this field.

Keywords: public sphere, hybrid public sphere, Jürgen Habermas, social media, digital transformation, public discourse

Введение

В условиях глубоких социальных и философских трансформаций, связанных с развитием цифровых технологий и их проникновением в общественную жизнь, подчеркивается актуальность исследования социальных сетей как пространства формирования гибридной публичной сферы.

В первую очередь стоит подчеркнуть, что современные социальные сети — это уже не просто инструмент коммуникации, а новый тип публичного пространства, в котором формируется общественное мнение, проходят политические дискуссии и выражаются коллективные идентичности. Традиционные модели публичной сферы, предложенные Юргеном Хабермасом, базировались на рациональном и дискурсивном обмене мнениями, который проводился в социальных институтах, имеющих четкие границы. Однако цифровая эпоха трансформирует и разрушает эти границы, переплетая онлайн и офлайн взаимодействия, превращая коммуникации в многоканальные и полимодальные и формируя гибридную публичную сферу.

Роль социальных сетей в формировании общественного сознания и социокультурных практик сопряжена и с увеличением скорости распространения информации. Платформы социальных медиа предоставляют возможность каждому пользователю стать источником публичного высказывания, что отражается на балансе власти между традиционными медиа и гражданским обществом. Эти процессы приводят к фрагментации аудитории, распространению дезинформации, усилению идеологических поляризации и развитию механизмов манипуляции.

В философском плане исследование «гибридной публичной сферы» раскрывает новые перспективы на понимание коммуникации и социокультурных идентичностей в контексте сетевых технологий, где границы между личным и публичным, реальным и виртуальным смещаются и становятся

проницаемыми. Это требует переосмысления классических понятий демократии, свободы слова и ответственности участников публичного дискурса.

В рамках данной статьи будет рассматриваться проблема существования разрыва между нормативным идеалом рациональной публичной сферы, сформулированным в социальной философии, и практиками коммуникации в социальных сетях. Объект исследования — публичная коммуникация в социальных сетях; предмет исследования — соответствие коммуникативных практик в социальных сетях критериям «идеальной публичной сферы» Ю. Хабермаса и выявление характеристик формирующейся гибридной публичной сферы.

Методология исследования

В качестве основных теоретических подходов в статье используются классическая теория публичной сферы Ю. Хабермаса, критика теории Ю. Хабермаса Н. Фрейзер и других, концепция гибридной публичной сферы. Анализ вторичных эмпирических данных используется для иллюстрации и верификации теоретических выводов. В работе привлекаются результаты эмпирических исследований, проведенных такими организациями, как Facebook (Bakshy et al.), Statista, а также академические работы, анализирующие конкретные кейсы. Эти данные позволяют связать философско-теоретический уровень анализа с наблюдаемыми социальными практиками.

Результаты и обсуждение

Ю. Хабермас рассматривает публичную сферу как пространство рационального дискурса, где граждане свободно обсуждают вопросы общего интереса, формируют общественное мнение и воздействуют на политическую власть. Данная модель базируется на идеале автономного, открытого и инклюзивного диалога.

Теория публичной сферы Ю. Хабермаса представляет собой одну из фундаментальных концепций социально-политической философии XX века, исследующую условия возможности рационально-критического публичного дискурса. Сформулированная в работе 1961 года «Структурное преобразование публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества», данная теория анализирует генезис, расцвет и упадок пространства публичной рациональности, обладающего нормативным потенциалом для демократического общества (Хабермас, 1990).

Ю. Хабермас исторически прослеживает формирование буржуазной публичной сферы в XVIII веке как особой социальной области, промежуточной между государством и частной жизнью индивидов. Эта сфера конституировалась в салонах, кофейнях, литературных и научных обществах, а также через периодическую печать, где частные лица собирались для свободного

и равноправного обсуждения вопросов, имеющих общезначимый характер. Ключевым принципом, легитимирующим эту коммуникативную практику, была идея публичного использования разума, при котором аргументы оценивались не по социальному статусу их автора, а исключительно по их меритократической силе и рациональной обоснованности. Таким образом, формировалось общественное мнение, которое, будучи артикулированным в дискуссиях, могло оказывать влияние на власть, делая ее действия подотчетными и легитимными.

Нормативный идеал публичной сферы, по Ю. Хабермасу, заключается в ее способности генерировать легитимную власть через неограниченную и инклюзивную коммуникацию, направленную на достижение консенсуса. Это пространство характеризуется такими принципами, как открытость для всех граждан, игнорирование статусных различий, проблематизация областей, считавшихся приватными и, что наиболее важно, ориентация на общее благо. Модель публичной сферы, укрепившаяся к середине XIX века, отличалась следующими чертами: «открытой дискуссией, критикой действий власти, полной подотчетностью, гласностью и независимостью действующих лиц от экономических интересов и контроля государства» (Уэбстер, 2004, С. 222). Публичная сфера, таким образом, выступает медиатором между гражданским обществом и государством, трансформируя спонтанное общественное мнение в оформленную публичную волю, которая в идеале должна находить отражение в законодательных и административных решениях.

Однако Ю. Хабермас отмечает, что этот идеал был исторически недолгим, и в XIX–XX веках публичная сфера пришла в упадок. Процессы коммодификации культуры, концентрации СМИ, сращивания государства и крупных корпораций, а также возникновения массового потребительского общества привели, по его мнению, к рефеодализации публичной сферы. Рационально-критическая дискуссия уступает место манипулятивному PR, пассивному потреблению культурных продуктов и формированию общественного согласия через разработанные механизмы, а не через подлинную дискуссию. Публичность из инструмента критики превращается в инструмент легитимации существующего порядка.

Рассмотрим эти причины более подробно:

- Массовизация и появление культуры потребления. С ростом грамотности и развитием СМИ (радио, ТВ) публичная сфера стала массовой. Дискуссия превратилась в потребление готовой информации. Активный гражданин уступил место пассивному потребителю.
- Сращивание государства и общества. Граница между ними стала размытой. Государство стало активно вмешиваться в социальную жизнь («государство всеобщего благоденствия»), а крупные корпорации стали влиять на политику. Исчезло независимое гражданское общество.

- Коммерциализация СМИ. Пресса и позднее телевидение превратились в бизнес, целью которого является получение прибыли от рекламы. Это привело к триумфу развлечения над критикой, к замене рациональной дискуссии на шоу и скандалы.
- Манипулятивное публичное мнение. Вместо мнения, формируемого «снизу», выдвигается мнение, формируемое «сверху» с помощью PR, рекламы и политических технологий. Общественное мнение стало объектом манипуляции, а не субъектом политики.

В своей более поздней работе «Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермас переосмысливает и развивает свою концепцию, смещая акцент с исторического анализа на нормативные основания (Хабермас, 1990). Он противопоставляет инструментальное действие, ориентированное на успех, и коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание. В этом контексте публичная сфера предстает как жизненный мир, противостоящий системным императивам экономики и административной власти. Ее функция заключается в обеспечении дискурсивных условий, при которых могут выявляться и тематизироваться общественные проблемы, а также генерироваться коммуникативная власть, способная оказывать влияние на политическую систему.

Критика теории публичной сферы была многообразной и включала упреки в идеализации буржуазной модели (Шейх, 2009), игнорировании эксклюзивного характера (исключение женщин, низших классов, маргинализированных групп) исторической публичной сферы (Fraser, 1990), а также в недооценке плюрализма конфликтующих публик. В ответ на эту критику Хабермас признал множественность конкурирующих публичных сфер (например, контрпублики субалтернных групп) и уточнил, что его теория предлагает не историческое описание, а нормативную модель, критический стандарт для оценки реальных демократических процессов. Таким образом, теория публичной сферы продолжает оставаться одним из ключевых концептуальных инструментов для анализа условий демократической легитимности, роли медиа и потенциала гражданского общества в современном мире.

Критический анализ теории публичной сферы Юргена Хабермаса сформировал обширное поле академической дискуссии, выявив ряд концептуальных ограничений и исторических неточностей исходной модели. Критика развивалась по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых проблематизировало различные аспекты его теории.

Одним из наиболее значительных является упрек в исторической идеализации буржуазной публичной сферы. Историки, такие как Джоан Лэндес (Landes, 1988), а вслед за ними и феминистские исследователи, указывали, что описанная Хабермасом сфера была по своей сути эксклюзивной. Она конструировалась как сугубо маскулинное пространство, из которого систематически исключались женщины, а также индивиды, не обладавшие собственностью

или формальным образованием. Риторика универсализма и равенства, таким образом, маскировала частные интересы и доминирование конкретной социальной группы — белых образованных мужчин из имущих классов. Это ставит под сомнение саму возможность существования в прошлом той инклюзивной и эгалитарной сферы, которая представлена в нормативном идеале Хабермаса.

Второе направление критики, связанное с работами Мишеля Фуко и представителей неомарксизма, оспаривает хабермасовскую концепцию рационального дискурса, свободного от отношений власти (Фомичев, 1998). Критики утверждают, что сама идея «беспристрастного» рационального аргумента является иллюзией, поскольку дискурсивные практики и процедуры рациональности сами по себе суть продукты властных отношений и служат инструментом символического исключения. Определенные темы и способы говорения маргинализируются как «неразумные» или «частные», что лишает доступа к публичной речи целые группы (рабочих, колонизированные народы, маргинализованные меньшинства). С этой точки зрения публичная сфера предстает не как область эмансипации, а как арена борьбы между конкурирующими дискурсами, где доминирующие структуры стремятся навязать свои критерии легитимности.

Третий комплекс возражений касается плюрализации публик. Нэнси Фрейзер и другие теоретики настаивают на том, что хабермасовская модель единой, универсальной публичной сферы является не только эмпирически неадекватной, но и нормативно нежелательной (Fraser, 1990). В сложных современных обществах неизбежно сосуществуют множественные публичные сферы — субалтерные группы, контрпублики (например, феминистская, рабочая, этническая), которые формируются группами, находящимися в подчиненном положении по отношению к доминирующей («буржуазной») публичности. Эти контрпублики создают альтернативные дискурсивные пространства для артикуляции собственных интересов и идентичностей, а затем вступают в конфликт с мейнстримной публичной сферой. Игнорирование этого стратифицированного и конфликтного характера публичного пространства приводит к недооценке его реальной динамики.

Четвертый блок критики относится к экономическим и медийным детерминантам. Политическая экономия, вслед за Николасом Гарнэмом, подчеркивает, что Хабермас, хотя и описывал коммодификацию как фактор упадка, недооценил структурное влияние капитализма на саму инфраструктуру публичной коммуникации (Garnham, 1992). Концентрация медиасобственности, зависимость СМИ от рекламы и логика рыночного рейтинга фундаментально подрывают возможность ведения неангажированного рационально-критического дискурса. Публичная сфера превращается в арену соревнования коммерческих брендов и политических имиджей, где сила аргумента подменяется силой медийного присутствия.

Наконец, нормативная строгость модели Хабермаса также подвергалась сомнению. Ряд теоретиков, включая Шанталь Муфф, утверждают, что его концепция, ориентированная на консенсус, является политически наивной (Зайцев, 2023). Она не способна адекватно теоретизировать неизбежную роль конфликта, агонизма и страсти в демократической политике. Стремление к идеалу полностью прозрачной коммуникации и рационального согласия игнорирует онтологический плюрализм ценностей в современных обществах и может вести к подавлению различий во имя мнимого универсализма.

В ответ на эту многослойную критику Хабермас и его последователи признали историческую ограниченность первоначальной модели и скорректировали свои позиции. Было принято понятие «множественных публичных сфер», а акцент сместился на поиск процедурных, а не субстанциальных оснований для легитимности, обеспечивающих включение маргинализированных голосов и учет плюрализма в рамках делиберативного процесса. Тем не менее, критика остается неотъемлемой частью интеллектуального наследия теории, демонстрируя ее эвристическую ценность в качестве катализатора фундаментальных споров о природе демократии, власти и публичной коммуникации.

Рассмотренная критика теории Хабермаса, выявляющая внутренние противоречия и историческую ограниченность модели буржуазной публичной сферы, получает новое звучание и актуальность в контексте цифровой эпохи. Если классические возражения фокусировались на исключаящих механизмах внутри национально-государственных рамок, то современные медийные реалии радикально трансформируют саму онтологию публичного пространства. Возникновение глобальных платформенных социальных сетей, представляющих собой гибридную публичную сферу, где переплетаются частное и публичное, индивидуальное и массовое, рациональное и аффективное, порождает комплекс практических последствий, которые невозможно адекватно осмыслить в рамках исходной хабермасовской парадигмы. Эта трансформация имеет многомерный характер и существенно влияет на фундаментальные общественные процессы, культуру и политику, что проявляется в ряде ключевых тенденций. Среди них необходимо выделить глубокую фрагментацию общественного дискурса и усиливающуюся политическую и ценностную поляризацию, которая подрывает саму возможность формирования консенсуса. Парадоксальным образом на этом же фоне наблюдается рост цифрового активизма и возникновение новых, зачастую горизонтальных, форм гражданского участия, мобилизующих ранее маргинализированные группы. Одновременно инфраструктура гибридной публичности способствует беспрецедентно быстрому распространению дезинформации, фейковых новостей и сложных манипулятивных практик, ставя под вопрос эпистемологические основания публичного диалога. В свою очередь, это влечет за собой изменение статуса индивида, который оказывается одновременно и потребителем, и производителем контента, объектом

тотальной видимости и субъектом новых форм цифровой уязвимости. Наконец, все эти процессы в совокупности ведут к глубокой трансформации культурной идентичности и механизмов социальной интеграции, которые более не привязаны жестко к национальным публичным сферам, а формируются в гибридном онлайн-офлайн пространстве, порождая как новые возможности для солидарности, так и риски атомизации.

Практические последствия формирования социальных сетей как гибридной публичной сферы имеют многомерный характер и существенно влияют на общественные процессы, культуру и политику. Рассмотрим некоторые из них.

- Фрагментация общественного дискурса и поляризация. Социальные сети способствуют формированию «эхо-камер» — замкнутых групп с однообразными взглядами, что усиливает идеологическую поляризацию и снижает возможности для конструктивного диалога. Это подрывает классическую модель публичной сферы, основанную на обмене аргументами между разными точками зрения, и создает условия для конфронтации и недоверия в обществе.

Ученые из Facebook проанализировали анонимизированные данные 10,1 млн американских пользователей. Исследование показало, что, хотя алгоритмы Facebook действительно уменьшают вероятность встречи с контентом, противоречащим взглядам пользователя (т.н. «cross-cutting exposure»), основным источником идеологической сегрегации являются собственные предпочтения и поведение друзей пользователя (Bakshi, 2015). Эти данные эмпирически подтверждают тезис о фрагментации, показывая, как структура социальных связей формирует относительно гомогенные информационные пузыри.

- Рост цифрового активизма и новых форм гражданского участия. Социальные сети позволили активистам и гражданам мобилизоваться быстро и эффективно, что проявляется в глобальных и локальных протестах, кампаниях за права человека, экологических инициативах. Гибридная публичная сфера расширяет рамки традиционного политического участия, вовлекая ранее маргинализированные группы и создавая новые формы сетевого солидаризма.

Анализ политических эффектов социальных сетей в России выявил, что соцсети не только отражают общественно-политические противоречия, но и становятся активной площадкой политического противоборства и формирования гражданской идентичности. Исследование подчеркивает особую роль цифровой среды в легитимации власти и организации социального диалога (Михайленок, 2019).

- Распространение дезинформации, фейков и манипулятивных практик. Алгоритмы социальных платформ часто усиливают сенсационный и эмоционально заряженный контент, что ведет к массовому

распространению ложной информации. Это угрожает общественной безопасности и ухудшает качество публичного дискурса, ставя под сомнение возможности рационального обсуждения и формирование осознанного общественного мнения.

Как выявило исследование Social Networks Analysis Center, 68% пользователей социальных сетей сталкиваются с контентом, подтверждающим их взгляды. А по данным Statista, показ персонализированного контента и ленты новостей, сформированных на основе пользовательских предпочтений, увеличивает частоту и продолжительность сессий на медиаплатформах на 35% (Сорокина, Мичурова и др., 2024). Отдавая предпочтение информации, близкой по духу, идеологии или уровню знаний, социум сам себя загоняет в страшную ловушку «эхо-камер». Системы рекомендаций и модерация контента не только снижают разнообразие информации, но и способствуют усилению когнитивных искажений и поляризации общества (Зорина, 2025).

- Изменение статуса индивида в публичной сфере. В условиях гибридной публичной сферы каждый пользователь способен выступать как медиа-продюцент, влияя на массовое сознание и социальные настроения. Это ведет к новому распределению власти и ответственности, где личные высказывания могут иметь общественную значимость, одновременно создавая риски для приватности и психологического благополучия.
- Трансформация культурной идентичности и социальной интеграции. Гибридная публичная сфера становится пространством формирования гибридных и многослойных идентичностей, где культурные и социальные нормы постоянно пересматриваются под влиянием глобальных и локальных трендов. Это создает как возможности для межкультурного диалога, так и конфликты из-за столкновения различных ценностей и практик.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует глубокую трансформацию публичной сферы под влиянием цифровых технологий, в частности, социальных сетей. Нормативный идеал рационально-критической публичной сферы, сформулированный Юргеном Хабермасом, вступает в сложное и противоречивое взаимодействие с реальными практиками коммуникации в цифровую эпоху.

Классическая модель Хабермаса, основанная на принципах открытости, рационального диалога и ориентации на общее благо, сталкивается с системными ограничениями, выявленными еще в рамках традиционной критики (историческая эксклюзивность, игнорирование плюрализма публик, влияние властных отношений и экономических детерминант). Однако в контексте

социальных сетей эти ограничения обретают новое, гипертрофированное выражение.

Социальные сети формируют гибридную публичную сферу, характеризующуюся стиранием границ между частным и публичным, онлайн и офлайн, рациональным и аффективным. Эта гибридность порождает ряд ключевых последствий:

- фрагментация и поляризация — алгоритмическая логика и пользовательские предпочтения способствуют созданию «эхо-камер» и «информационных пузырей», подрывающих основу для формирования единого публичного дискурса и конструктивного диалога между различными позициями;
- амбивалентность гражданского участия — с одной стороны, гибридная сфера открывает новые возможности для цифрового активизма, мобилизации маргинализированных групп и возникновения сетевых форм солидарности, с другой — она создает риски для качества этого участия, замещая глубокую дискуссию поверхностными формами вовлеченности;
- эпистемологический кризис — скорость и масштабы распространения информации в социальных сетях, наряду с распространением дезинформации и манипулятивных практик, ставят под сомнение саму возможность формирования осознанного и адекватного общественного мнения;
- трансформация идентичности и власти — индивид в гибридной сфере одновременно становится и потребителем, и производителем контента, что ведет к новому распределению символической власти, но одновременно и к росту рисков для приватности и психологического благополучия.

Таким образом, гибридная публичная сфера социальных сетей представляет собой сложный и противоречивый феномен. Она не является ни прямым воплощением хабермасовского идеала, ни его полным отрицанием. Скорее, это новая реальность, которая требует переосмысления классических понятий демократии, свободы слова, рациональности и ответственности. Теория Хабермаса сохраняет свою ценность как нормативный ориентир и инструмент критического анализа, однако для адекватного понимания современных коммуникативных процессов она должна быть дополнена подходом, учитывающим гибридный, платформенный, алгоритмический и глубоко конфликтный характер цифрового публичного пространства. Дальнейшие исследования должны быть направлены на поиск механизмов и процедур, способных усилить демократический потенциал гибридной публичной сферы, одновременно минимизируя присущие ей риски фрагментации, манипуляции и поляризации.

Список источников

- Зайцев А. В. Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX — начала XXI вв. (теоретико-методологический аспект) // *Философская мысль*. — 2023. — № 10. — С. 51–62. — DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68711. — EDN: UDXZTO.
- Зорина М. А. Понятие и роль фейковых новостей в медиaprостранстве России // *Молодой ученый*. — 2025. — № 5 (556). — С. 314–317.
- Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // *Социологические исследования*. — 2019. — № 2. — С. 78–87. — DOI 10.31857/S013216250004012-6.
- Сорокина М. Д., Мичурова А. С., Дворянинова С. А., Емец Е. А. Влияние алгоритмов персонализации на аудиторию и приватность в медиакommunikациях // *Теории и проблемы политических исследований*. — 2024. — Т. 13. — № 7А. — С. 73–80.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
- Фомичев П. Н. 99.03.004. Флиvbьерг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества? Flyvbierg B. Habermas and Foucault: thinkers for civil society? // *Brit. J. of Sociology*. — L., 1998. Vol. 49, № 2. P. 210–233 // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология*. — 1999. — № 3. — С. 25–30.
- Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. Н. Панченко. — М.: Московский государственный университет, 1990. — 332 с.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. В 2 т. / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. Н. Панченко. — М.: Весь мир, 2022. — Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума. — 834 с.

References

- Zaitsev A. V. Transformation of the concept of the public sphere Habermas in the infocommunicative and digital reality of the late XX — early XXI centuries (theoretical and methodological aspect). *Filosofskaya mysl' = Philosophical thought*. 2023; 10: 51–62. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68711. (In Russ.)
- Zorina M. A. The Concept and Role of Fake News in the Russian Media Space *Molodoy uchenyj = Young Scientist*. 2025; 5 (556): 314–317. (In Russ.)
- Mihajlenok O. M., Malysheva G. A. The political effects of social media in Russia. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2019; 2: 8–87. DOI 10.31857/S013216250004012-6. (In Russ.)
- Sorokina M. D., Michurova A. S., Dvoryaninova S. A., Emets E. A. The Influence of Personalization Algorithms on the Audience and Privacy in Media Communications. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and Problems of Political Research*. 2024; 13 (7A): 73–80. (In Russ.)
- Uebster F. Theories of the information society / F. Uebster; Trans. From Eng. — M.: *Aspekt Press = Moscow: Aspekt Press*. 2004; 400 p. (In Russ.)
- Fomichev P. N. 99.03.004. Flivbjerg B. Habermas and Foucault: thinkers for civil society? Flyvbierg B. Habermas and Foucault: thinkers for civil society? // *Brit. J. of Sociology*. — L., 1998. Vol. 49, No. 2. P. 210–233. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11, Sociology = Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11, Sociology*. 1999; 3: 25–30. (In Russ.)
- Habermas Yu. Structural Transformation of the Public Sphere: A Study of the Category of Bourgeois Society. *Trans. from Germ. A. N. Panchenko. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet = Moscow: Moscow State University*. 1990; 332 p. (In Russ.)
- Habermas Yu. Theory of communicative action. In 2 vols. / Trans from Germ. A. N. Panchenko.

Шейх С. Фрагментация публичной сферы и ее критика // *Theory and Practice*. — 2009. — № 4. — С. 45–52.

Bakshi E., Messing S., Adamic L. A. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook // *Science*. — 2015. — Vol. 348, No. 6239. — P. 1130–1132. — <https://doi.org/10.1126/science.aaa1160>

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. — 1990. — No. 25/26. — P. 56–80.

Garnham N. The Media and the Public Sphere // *Habermas and the Public Sphere* / Ed. by C. Calhoun. — Cambridge, MA: MIT Press, 1992. — P. 359–376.

Landes J. B. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution / J. B. Landes. — Ithaca: Cornell University Press, 1988. — 275 p.

M.: *Ves' mir = Moscow: Whole World*. Vol. 1. Rationality of Action and Social Rationalization; Vol. 2. Towards a Critique of Functionalist Reason. 2022; 834 p. (In Russ.)

Shejh S. Fragmentation of the public sphere and its criticism. *Theory and Practice*. 2009; 4: 45–52. (In Russ.)

Bakshy E., Messing S., Adamic L. A. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook. *Science*. 2015; 348(6239): 1130–1132.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*. 1990; 25/26: 56–80.

Garnham N. The Media and the Public Sphere. In *Habermas and the Public Sphere*. Ed. by C. Calhoun. Cambridge, MA: MIT Press. 1992: 359–376.

Landes J. B. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. *Ithaca: Cornell University Press*. 1988; 275 p.

Для цитирования: Ахмедова К. Б. Социальные сети как пространство формирования «гибридной публичной сферы» // *Гуманитарий Юга России*. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 24–35. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.2 EDN DXMLZX

История статьи:
Поступила в редакцию — 02.02.2026
Одобрена после
рецензирования — 24.03.2026
Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторе

Ахмедова Кульсум Байтаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета.

SPIN-код: 8992-3493,

AuthorID: 1059745

akhmedovakb@yandex.ru

Information about author

Kulsum B. Akhmedova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, and Sociology at Chechen State Pedagogical University.

akhmedovakb@yandex.ru